

СМЕНА

ЦЕНА 15 КОП.

1931

21

ШИИ УДАРНИК тов. БАСЕНО ЗА ШАБРОВОЙ ПОДШИПНИНА
БЛЮМИНГА (Ижорский завод)

РНИЦА-ТРАКТОРИСТНА СИМФЕРОПОЛЬСКОГО ЗЕРНОСОВХОЗА
ГАВРИЛЬЧЕНКО

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ СОВЕТСКОГО НОМБАЙНА КОМСОМОЛЕЦ ИЩЕННО

ТАК БЬЕТСЯ ПУЛЬС ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

ЛУЧШАЯ УДАРНАЯ БРИГАДА НА РАЗРАБОТКАХ ГОРЫ МАГНИТНОЙ
РУКОВОДИМАЯ КОМСОМОЛЬЦЕМ тов. ЛИСОУРСКИМ

БОЛЬШЕ ЧЕМ ДРУЖБА

ЛЕВ ЧЕРНОМОРЦЕВ

С прямой дорогой отважных рубан
И наша сирестилась недаром,—
Они штурмуют учебой рабфан,
А мы—обучаться приходим в назармы.
И дружба протиснулась крепким илючом
В ряды. И стала в затылок,
Чтоб в стуну дышалось нам горячо,
А в зной прохладнее было.
В учебу вошел строевой молоднян,
Как входят патроны в обоймы.
„Братон! Пожалуй, по крови родня,
Не только по авзуду с тобою:
Той крови второй—что металлом течет
По нилам страны—заводам“...
И больше чем дружба тогда встает
В назарме и на походе.

Щербатая ложна—забава бойца.
Вперед выходи, запеваля!
Усталость, как паутину с лица,
Нам песенным ветром сдувало.
Тогда и узнали мы верную цену
Улыбке и твердой руке,
Глотку воды, истертым коленам,
Нусочку жира в походном вайне.
В полях, на заводах отлились, ребята!
Пусть друмбу, что крепким вошла плечом,
И молодость в списках военкоматов—
Возьмут, как оружие—на учет!
Они со штабных запыленных полон
По зову республики станут в полни.
Нам конинни гиннут с лохматых монголок
И звезды замгуют о наши штаны.

на снимке: остоновия в лесу

пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ФОТО А. РОДЧЕНКО

смена

№ 21

литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи. орган ЦК и МК ВЛКСМ
ответственный редактор С. НЭМРАД, оформление номера В. СТЕПАНОВОЙ

адрес редакции: Москва, центр, большой Чернышевский, 6.
тел. 5-87-03. Изд. ОГИЗ—МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ПЕСНЯ АРТИЛЛЕРИСТА

(посвященная пополнению 1908 года)

Л. АРБАТСКИЙ

Нам капитал грозит войной,
Нахотелась хищной птицей.
Но зорен красный часовой
Незыблемы границы.

Припев: Артиллерист, берись смелей
За боеподготовку,
Ударным темпом овладей
И пушной и винтовкой.

К работе наш боец привык
И действует умело.
Связист, разведчик, огневик,
Знай наждый свое дело.

Припев:

Нам панорама и bussоль
В бою необходимы,
Поставь прицел на „30-0“,
Не трать снарядов мимо.

Припев:

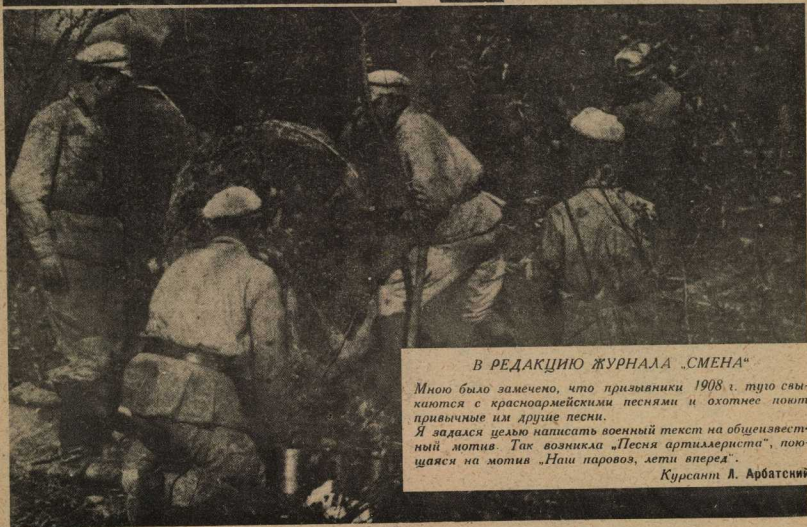
Нам конь — товарищ боевой,
В работе он грязнится.
Так не качай, брат, головой,
Берись-на за сиребницу.

Припев:

Ты, комсомолец, должен быть
В своем полку примером,
Огонь по нытикам открыть
И правым малOVERам.

Припев:

Мы не хотим ни с нам войны,
Но в бой всегда готовы.
Мы укрепляем мощь страны
И динрабли строим.

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА „СМЕНА“

Мною было замечено, что призывники 1908 г. тую связывают с красноармейскими песнями и охотнее поют привычные им другие песни.
Я задался целью написать военный текст на общеизвестный мотив. Так возникла „Песня артиллериста“, посвящая на мотив „Наш паровоз, летит вперед“.

Курсант Л. Арбатский

Наконец сидеть самолета был готов. Пригласили техническую комиссию МосОСО. В ее состав вошли—инженер Сорокин и пред. авиосекции области тов. Митницкий. Комиссия все тщательно проверила и нашла самолет вполне отвечающим всем требованиям современной авиотехники.

Яковлев и группа комсомольцев уже мечтали наступающее лето использовать для полетов. С прежним энтузиазмом, не покладая рук, они работали у собранного самолета. Достали авиополотно, обтягивали им крылья; закрашивали их. Самолет брестел на солнце гармошкой алюминиевых колдул. У почти готового самолета установили ночное дежурство.

13 июля 1930 года, призвав фюзеляж к телегу, в одиннадцатом часу вечера тронулись на аэродром.

При первом же полете самолет выдержал серьезнейшее испытание: поднявшись на высоту трех метров, он ушел оттуда, не причинив себе серьезных повреждений. Снова энтузиасты проводят свой очередной отпуск за самолетом, но уже на аэродроме, за изготовлением новых шасси.

В течение месяца самолет поднимался еще несколько раз на довольно значительную высоту и на порядочное время. После каждого полета обнаруживался какой-нибудь недостаток, который тут же исправлялся. Последний полет совершили в августе. Зима прошла в переборке, очистке и замене частей в моторе.

На аэродром бывали только в выходные дни, все остальное время было занято. Яковлев в процессе работы часто сталкивался со всевозможными математическими расчетами, решить которые порой не удавалось, а потому он поступает на третий курс рабфака МВТУ. Многие его товарищи по строительству заинтересовались авиацией, стали учиться в авиотехникумах, а некоторые пошли в военные школы.

В работе над самолетом Саши приобрел еще ряд квалификаций. По профессии модельщик, он часто становился за токарный станок и выточивая соответственные детали. Иван Николаевич поражался способностям Саши и нередко, принося набросок той или иной детали, встречал возражения от своего заместителя.

Май 1931 года. Аэродром. Яковлев с раннего утра у самолета. Курит папиросу за папиросой.

— Кажется, у нас все на месте? — спрашивает Виноградов и хлопает рукой по пропеллеру.

— Все в порядке, слать не должно, — отвечает Яковлев. Заслуженный летчик тов. Огородников, участник боев Дальневосточной армии, спокойной походкой направляется к самолету.

— Ну, друзья, попробуем, что за машину вы сварганили.

— Раз—два...

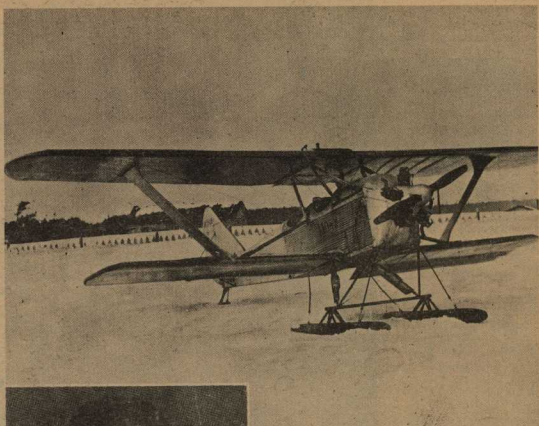
— Есть контакт. Огородников, испытывавший самолет, сделал над аэродромом три круга, затем круто пошел на снижение. Сел он почти там же, откуда поднялся. Легко выпрыгнул из кабинки и, не ожидая, когда остановится мотор, начал:

— Великолечно. У вашей машины все летные качества.

Потом он ушел в ангар и там написал отзыв о самолете.

Самолет принят специальной комиссией.

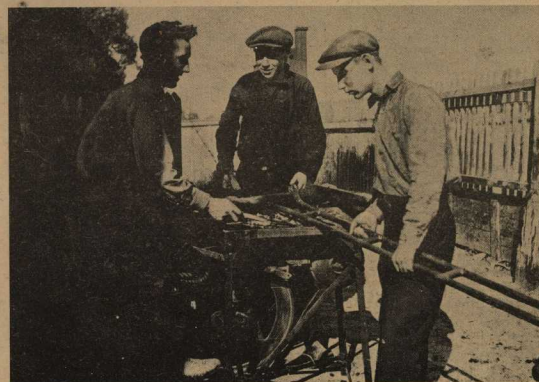
Комсомольцами, бывшими фабзавдцами, одержана блестящая победа. Они практически проводят в жизнь решения IX съезда ВЛКСМ о шефстве над воздушным флотом. Это достигнуто малочисленным, но крепким ядром энтузиастов. Весь же коллектив заводской организации и руководители его остались в стороне, почти совершенно игнорируя постройку. Благодаря такой косности и невниманию могла бы в других условиях погибнуть хорошая идея. Таких энтузиастов, как Яковлев и его соратники, по Советскому союзу найдутся тысячи. Нужно им обеспечить всемирную поддержку, оказывая в первую очередь товарищеское внимание.

самолет, построенный комсомольцами — бывшими фабзавдцами

саша иванов — председатель кружка

кружковцы за работой

Кто не выполняет своих шефских обязанностей по отношению к военно-воздушному и морскому флоту, тот не достоин высокого звания члена ленинского комсомола. Пусть видит мир новые десятилетия и сотни самолетов, построенных на деньги трудящихся. Комсомольцы-летчики и комсомол—шеф военно-воздушных сил РККА—будут лучшим ответом на проники Пуанкаре. Пилудских и всех империалистических хищников мира.

(Из обращения IX Всесоюзного съезда ВЛКСМ)

ЗОЛОТАЯ

РИС. ЛЮШИНА

стала? Дрвин. Только и видишь, что отбирают, раскулачивают, ссылают.

Виктор, не допив стакан чая, тяжело вздохнул.

— Вот, дорогая сестрица, теперь к тебе приехал Рассназ. Не бойся! Устрою, пожалуйста, к себе работать. Мы слывем, что ты на заводе работаешь. Не откажи уж брату.

Соня, сидевшая нахмуренная, подняла голову, и строго сказала: — Не чуди, Виктор. Во-первых, я не хозяйка на заводе, чтоб к себе устроить, во-вторых—ты не член союза, а в-третьих—надо через биржу труда.

— Брось, Соничка, вам все можно. Наверно уж ты коммунистка.

Соня всколыхнула со стула.

— Виктор, довольно гадостей! Жаль, что ты брат, а то попросила бы и тебя...

Виктор, отвалившись на спинку стула и закинув назад голову, недоумевающие смотрел на сестру.

— Соня, голубчик, что с тобой? С чего ты так вскипятилась? Я ведь с тобой по-свойски, как брат, а ты вон как! Соничка, ведь ты только пойми,—лепета уже жалостливо брат.—Войди в мое положение. Куда мне деваться, если ты не поможешь? Дома большие мне жить нельзя. Здесь, в Москве, ни родных, ни знакомых.

Легкий вечерний ветерок еще шевелил листья парка. Присел на скамейку, Соня задумалась: «Какой он стал гадкий, какой жалкий,—думала она.—Если сравнить его с нашими заводскими ребятами, хотя бы с Красновым—как день и ночь. А ведь когда-то я его любила, как настоящего брата».

Соня опустила голову и еще раз вместе с искалечившейся памятью пережила свою жизнь за два десятка лет.

Отец ее был саесарем при железнодорожном депо небольшого уездного городишка. Работал он там с малолетства—учеником. И когда ему стукнуло 18 лет, то по настоянию стариков-родителей женился на местной медсестре, дочери учителя реальной школы.

Вскоре влял его на германский фронт. Дома осталась жена с двумя малолетними ребятами. Не помнит почти Соня отца, но знает, что очень любил друга любви. Баловнем и любимцем матери был брат—Виктор.

Затем вихрем нагрянула революция. Пронеслась из конки в конец по изобойной русской земле, сметая по дороге всю нечисть, а за ней следом, по пятам, и гражданская война.

Соня в то время была лет 6—7. Смутно припоминает она великие бурные дни. Вернувшись было с позиции солдата сына влезла за винтовкой. Ушел и отец на зову Советов. Проклялись волны гражданской войны. Прогнали белых. Вернулись рабочие дома, к строительству, но не вернулась Сонин отец. Плохо жилось Соне со вдовою матерью. Тесно и душно ей было в мешанской семье. И однажды 16-летняя девушка решила поехать с матерью и ушла от нее.

В Москве, куда Соня приехала, она поспешила у старенькой своей тети. Вскоре уехала Соня поступить на электротехнические курсы. Три больших долгих года проучилась она. Дружно досталась ей учеба. Много ночей не спала. Много испытала горькой и радости. Но все побеждает и победила Соня. Кончила учебу и вышла на широкую стабовую дорогу—квалифицированным электромонтером. К тому времени скончалась у Сони тетя.

Заклята Соня одна, самостоятельно. Поступила на завод. Саружилась и свылалась с заводскими ребятами с рабочими и работницами, почувствовала себя в своей среде, на своем месте, и ушла уже в работу.

Соня ждала вздохнула.

— Виктор? Какой стал Витя...! Весь в мать. Подозреть, кадыость, меданство... А что если попробовать что перепоситить? Трудно? Подозовать? Но попробовать нужно».

Домой Соня вернулась совсем поздно. Брат уже снал.

— Ну?... удивленно протянула Соня, и в зеленых от ее глаза заиграла искрящаяся, испуганная радость.

Была весна. Дымчатые, редкие облака маленькими островками, окаменело стояли на месте. Соня не спешила домой.

У дверей квартиры Соня неожиданно столкнулась с молодым франтом, который, комично раскланившись, скромно отрекомендовался: «Виктор Орлов».

— Брат!—воскликнула удивленная Соня, разглядывая стоявшего в передней молодого человека, в модном темно-синем костюме, с крикливо повязанным галстуком.

— Да тебя и не узнаешь! Как ты вырос! Каким пижмоном стал! Ну и ну! Давно жедем, меня?

— Нет, Соничка, недавно. Наскучила наша твоя осоиная. Спасибо, тут одна душка-барышня помогла. Она из нашего дома эт-такая сонная, румяная, антик с гвоздичкой. Товарец—первый сорт.

Слова брата покорбили Соню.

— Фу, какая гадость. Как ты, Виктор, стал нехорошо говорить.

— Ха, ха,—рассмелся брат.—Вам не нравится? Ерунда! Ну, не будем об этом спорить. Я ужасно устал. Хочу пить. Угостишь, гости, сестрица. Четыре года ведь не выдалась.

Вскоре брат с сестрой сидели уже за столом, пили чай, и Виктор словоохотно рассказывал Соне про свою жизнь в провинции, где раньше торговал в палатке.

— Ты знаешь, Соня,—говорил он,—какая в нашем городишке теперь жизнь на-

В механическом цехе новые массивные электрические часы показывали без десяти четыре. Скоро шабаш второй смены. Соня Орлова—монтерша—поспешно заканчивала порученную ей спешную работу.

Приглушенным гулом надврывались станки. Соня устало вытерла рукавом с лица пот, сорвала с головы кепку и трихнула копной золотистых волос. За огненно-рыжие волосы завод дал ей шутовскую клячку «Золотая». Соня давно к этому привыкла и не обижалась. Неожиданно с хрипом вырвался гудок: рывком, на минуту приостановился, смолк и, вновь фыркнув, весело, призывающе заревел.

— Эй, Золотая Кончай, зарабатывайся!—крикнул Колька Красов, выходя из другого цеха и, останавливаясь в дверях. На руке у него было наизготовлено с полбуфты провода.

— А, Калаш!—заулыбалась Соня.—Говоришь—смаывать удочки? Можно!

Она быстро сбегала с лестницы, собралась в лифчике инструмент и, подойдя к Кольке, усмехаясь спросила:

— Ну, тов. Красов, как дела?

— Дела-то,—закрывая папироску, ответил Колька,—ничего. В малярной сейчас электрочехи устанавливает для сушки. Закончила. Греть на иты! Завтра за мотор примемся. Знаешь, который сгорел. Перемотаем. Ну, а ты как здесь? Тоже, как жила, кончила?

— Как видишь!—ответила Соня.

— Молодец! Да, а слышала новость,—оживился вдруг Колька,—мы решили на бюро ячейки комсомола скоро перебраться в партию.

... Виктор Орлов, мой брат, прогульщик, дезорганизатор и пьяница!

4

Два дня прошло после приезда брата, а Соня все еще не решила, как с ним быть и что делать. Виктор все себя скромно, мало и неохотно говорил. Сидел больше молча, насупившись: ко всему приглядывался, кое-что читал; ненадолго ходил гулять — знакомится с городом; а о своей просьбе больше сестре не заикался. Но Соня видела и понимала, что тихое поведение молодого франта и даялка, ссутулившаяся, унылая фигура, — все это было безмолвной просьбой о помощи.

На третий день Соня решила. После работы зашла в завком и скрепя сердце обратилась с просьбой о брате к председателю Фомичеву.

Выслушав изволнованную, всю красную Соню, предавком спокойно заговорила:

— Так, Золотая, говоришь, брат приехал, некуда деваться? Просится на завод... На биржу бы ему надо встать. Через две только.

— Да я говорю... начала была Соня, — но тут же оборвала — замолчала.

Фомичев ненадолго задумался. Потом взглянул на растерянную, сконфуженную Соню, стукнула карандашом по столу и уже усмехаясь проговорил: — Ну, ладно, Золотая, так и быть, чего-нибудь придумаем. Во двор, кажется, рабочие нужны. Присылай, я тебе поговорю с директором, может, согласится

Через несколько дней Виктор Орлов был принят на завод в качестве чернорабочего по двору.

Виктор вначале отнесся к своей работе прилежно. Выполнив ее добросовестно, но когда прошли первые показательные дни, когда он освоился с работой, отдался кругом и кое с кем познакомился, он уже не так стал усердствовать и стараться, как до этого. Прошло с месяц, и Виктор окончательно охладел к своей работе. Он стал пренебрежительно-брежлив к ней. Пошли опоздания, а то и совсем невыходы на работу. Слухи о плохом поведении брата стали доходить до Орловой, да она и сама стала часто замечать это. Соня решила серьезно переговорить с братом, но как-то все откладывала день на день. Однажды Соня, кончив работу и проходя заводской двор, остановилась вместе с собравшимися рабочими возле доски объявлений. На синем фоне доски висел новый приказ. Один из рабочих вслух громко читал: «Чернорабочему по двору Орлову, В. И., за халатное отношение к своим обязанностям, частые опоздания на работу и два прогула без уважительных причин в этом месяце, объявляю строгий выговор с предупреждением».

Соня слушала и не верила своим ушам, но каково же женщинам, сменяв тещу, часто затараторила то же самое.

Соня была подавлена. Жгучий до боли стыд ел ее щечки.

Дома, за столом сидели двое: прифрантившийся брат и его товарищ на заводу. У Виктора был выходной день. На столе стояли пивные бутылки и начата поллитровка водки. Оба были уже навеселе. В комнате было слышно шаурено. При появлении сестры Виктор покачивался, встал из-за стола и широко улыбаясь, смущенно пробормотал:

— А я, Соничка, думал, что ты поздно придешь. Хотел вот... малость заложить... Что ты делаешь? — испугала Соня. — Пьянствуешь? Лодырничаша? На черную доску попал! Срамишь сестру, да еще у ней в квартире кабак устраиваешь?

Виктор, очнувшись от выпяленного в него злала, скинул на сестру зло глаза и задорно начал:

— Вы что же, дорогая сестрица, вздумали учить меня, как жить? Подумать, голубушка. Ишь, разошлась! Не забывайся! Я не мальчишки. И не крепостной. Ты лучше подумай, как бы брата в цех устроить, а там дальше видно будет, а то, ишь, дворничком устроишь! Знаем мы вас, коммунистов. А на счет черной доски — планируй да растежь. Само-то я красивый. Так-то... И он громко, раскатыло рассмеялся, поддержанный товарищем.

Соня, бледная, со сжатыми кулаками, прикусив губу, едва не плача выбежала на улицу. Много в этот вечер исходила Соня рыных крышек, извистых московских улиц

Красных звезд не видно на крыле.
Крепких рук не слышно на руле.
Хороши рядом с гробом гроб.
Прислонился рядом к рюмбе рюмб...
Но слезой бессильной их смерть не смажь.
Выше, выше, выше в тучи марш.
Накренувшись небо к ним само.
— Кто на смену старшим — в комсомол?

КАЛИНОВСКИЙ

М. БРАГИН

13 июля, в 6 час. 30 мин., в районе платформы Длабыно, Западная М. д., в результате аварии самолета погибли при исполнении служебных обязанностей зам. нач. штаба РИКА—тов. Трандифолов, В. И., зам. нач. УММ РИКА Калининский, И. В., командир взвода Рыбаловский, С. Я., лётчик отряда особого назначения Богданов, В. С., авиационные техники Шендринов, А. Н., и Пологинов, С. М., пом. нач. I сектора I управления штаба РИКА Армавель, С. М., и лётчик-наблюдатель Белнов, И. И. Ниме ны печатен заметку о тов. Калининском, который оказал немалую помощь в организации и работе танкового отряда.

Тов. Калининский начал свою службу в Рабоче-крестьянской Красной армии в июне 1918 г. в сиротной должности начальника артбара бронепоезда. В 1920 г. тов. Калининский—командир бронепоезда—вступил в коммунистическую партию, дрался на польском фронте. За ряд операций получает орден Красного знамени.

По окончании гражданской войны, тов. Калининский вступил в Академию и окончил ее в 1925 г. Академия помогла тов. Калининскому систематизировать боевой опыт, и в 1925 г. тов. Калининский—командир с вполне выработанными оперативно-тактическими взглядами с соответствующими размахом и кругозором в вопросах реконструкции армии на основе ее механизации и моторизации.

Мы знаем Константина Брониславовича как бойца и командира, организатора броневых, механизированных и моторизованных частей РИКА.

Всю свою сознательную жизнь тов. Калининский отдал революции и партии.
Лучшей памятью тов. Калининскому будет подвиге боеиспособности, дальнейшая неустанная работа над совершенствованием нашей военной техники, дальнейшее управление военной работой комсомола.

Комсомольцы завода имени Калинина создавали танковый отряд Осоавиахима. Создавали с большими трудностями. Ребята обратились к тов. Калининскому за руководящими указаниями. И сейчас вот перед нами большой лист бумаги, им испещренный. Инспектор механизации и моторизации Рабоче-крестьянской Красной армии подробно беседовал с комсомольцами, с исключительной ясностью, написал нам, как организовать отряд, как преодолеть основные трудности и самые незначительные препятствия.

Его поддержку металлургско-калининцы ощущали всегда. Много раз видели его в гараже своего отряда, в цеху, да трибуне заводского клуба «Металлист». В минуту неудач у Калининского обрелась бодрость, уверенность и силы для дальнейшей работы по военизации рабочей молодежи. Он рассказывал нам о том, как партия создавала Красную армию, о героических победах красноармейцев. Разговору с ним вливали в нас новые силы. Перед нами был исключительно чуткий старший товарищ, которого мы любили, уважали, умевший буквально одним словом, сказанным с мягкой иронией или ободрающей усмешкой, дать понять, что не кипятиться надо и не скандалить, а мудро работать и спокойно анализировать положение в моменты успеха.

Калиновский интересовался производством, производственной дисциплиной молодых танкистов. Его вопросы были всегда конкретны, указания исключительно ясны.

Последнее время Калининский говорил о необходимости создать вечернюю танковую школу младшего командного состава для молодых металлургов Москвы. Учейки Осоавиахима, общественности механизированных частей, Центральный московский совет Осоавиахима обязаны эту школу создать, и это будет лучшей памятью по тов. Калининскому.

Мы предлагаем организатору Вечерней военной академии тов. Чайковскому, работавшему с тов. Калининским, взять на себя руководство будущей школой.

Мы обращаемся к вам, бронепоездники и танкисты, герои и участники гражданской войны.

Красная армия в гражданской войне не имела могучей техники, но сейчас руль броневика, рычага танка берут в свои руки тысячи молодых рабочих, если же наступит война—они овладеют миллионами. Вы обязаны рассказать нам о вашей борьбе, о боях, в которых участвовали и которые нередко решали бронешины под вашим водительством. Молодежь должна знать об этом так же, как знает о славе нашей коннице.

Первым шагом в этом направлении должен быть сборник памяти тов. Калининского для молодых металлургов.

Отдаю себя в распоряжение редакции журналов «Механизация и моторизация», «Смена», которые должны возглавить издание этого сборника.

и переулков. Пошла было в клуб, да встретился ей спешивший куда-то Колька Краснов, крикнул мимоходом: «В клуб? Там сегодня нет никого, спешить, и уже обтерев, обернулся и крикнул: «Золотце, завтра переведи тебя в партию будем. Не забудь!»

Последнюю ночь, блуждая по пустынной набережной, пришла Соня твердое решение.

5

На другой день в обеденный перерыв Соня, заглянув в ячейку, услышала о себе лестный отзыв. Колька, стоя перед партсекретарем с листком бумаги в руке, ткнул туда пальцем, перечисляя фамилии передаваемых комсомолом ребят, и хвалил их. В момент прихода Соня превозносилась как пацан ее фамилии.

— Да что вы, братишки,—отшучивался партсекретарь,—я хоть недавно здесь у вас, но отлично знаю ребят, особенно эту Орловку, как ее...

— Золотая—подкасаля Колька.

— А вот и золотце сама налицо!—увидев Соню, закричал весело один из присутствовавших.—Тов. Орловой! Будущую повою нашему члену,—противная руг и задорнаясь пробормотал партсекретарь.

Выйдя из парткабинета, тронутая товарищеским теплом к ней отношением, Соня с болью подумала: «Но ведь я же этого не заслуживаю. Неужели они до сих пор не знают, что я пришла на завод устроив? Наверно председатель смолчал. Проходя мимо табельной, Соня неожиданно услышала соседующий звонок в ушах отдавшийся разговор:— Слышка? Витка-то Орлов сегодня опять подлая прогуляла. Вышел с обеда, под мушкет. Старший ему чего-то и скажи, а он ему как по уху парилет...— Буде врать-то!— Ей-богу, правда, их заведующий к директору поехал.»

Соня, пошатнувшись, шибко стукнулась головой о перегородку. Несколько мгновений она стояла смутенная. Из смутения вывел ее аспихивающая мысль о вчерашнем решении.

«Время настало. Пора выполнять!—и она круто повернула назад. Вбежав в парткабинет, Соня застала всех этих там... Товарищи,—дуло крикнула она и переходу начала:—Виктор Орлов, мой брат, которого я, по непростительной для будущей коммунистки глупости, устроила к нам на завод, оказался, как вы сами знаете, перным лодыр, прогульщик, дезорганизатор и пьяни-

ца. Такой разлагющий элемент у нас не надо! Их на заводе много—целая компания, но Орлов сегодня отличился больше всех. Прогуляя сегодня подлая, он пришел на завод пьяным и избил старшего. Товарищи, я приношу свою ошибку и вину в том, что позволила себе устроить подобного типа на завод, да сказать даже явнее. Но позволить тогда испустить мне свою вину. Подобных Орловых выгнать с завода мало, им нужно предать классовой счет. Я предлагаю, над Орловым и его компанией устроить показательный суд. Прощу, кроме того, назначить меня общественным обвинителем.

Начав говорить, неровно, волнуясь, Соня вскоре успокоилась, окрепла, и конец речи выговорила совсем твердо. Ее лицо поблело и заслыло в непривычной для него суровости, только зеленатые глаза ярко блеснули. После Сониной речи несколько мгновений царило зловещее молчание. Затем все вдруг заговорили сразу: «Правильно! Довольно с ним церемониться. Молодец золотце! Пора проучить, чтобы другим было неповадно. Крой к!»

Вечером того же дня Соня вместе с другими лучшими комсомольцами передали в партию.

Душой Соня шла неудержимо улыбающейся. На душе у нее было тепло.

ШКОЛА

каторги и ненависти

дно подгорный

Растут ряды американских пролетарских писателей. Помещаемый ниже рассказ написан молодым рабочим-металлистом, сыном польского эмигранта Дюно Подгорным, описывающим здесь свою работу на крупном сталелитейном заводе в Питсбурге (САШ).

Как всегда, после школьных занятий наступила каникулы, но для меня никаких тонок не начиналось. Мне было уже пятнадцать лет, и отец решил, что с осени я поведу на завод. Пока же и отправился опять к старому Хэнку на ферму. Я уже четвертое лето работал у Хэнки, собирая лук с грядок по шести центов за четверик в большие мешки.

Хэнк предпочитал нас, полков, шведов или немцев. Мы, по его мнению, лучше работали. И мы, действительно, работали, как черти. Бывало, и глаза потемнеет к концу дня, и мешок с луковичками кажется столбуемым. Иногда кто-нибудь из нас падал в обморок от усталости. Тогда старый Хэнк брал ковш с водой и брызгал тому в лицо. — Да очнись же, дьяволенок,— орал он.

В конце ковш он сократил нам плату до пяти центов за четверик. Порой нам казалось, что эта проклятая мера не имеет дня. Но приходилось терпеть. И мы терпели, надрывая силы по одиннадцати часам в день и принося домой по 36—40 центов. Бывало, тащились домой, как старики, согнувшись, вроде отца, когда он возвращался с завода Западной сталелитейной компании. Спина ноет, словно тебя перекало автомобилем. Прохожие смеются:

— Что это у тебя, мальчик, живот схватило, что ли?

Пошлешь их к дьяволу в ад и поете-шься давшие.

А дома—ничего кроме черного кофе да хлеба. Раз в неделю покупали мясо. С такой жизни не потолстеешь, понятно. Мы и выглядели, как худые, жилистые чертеники.

Однажды, когда солнце немилосердно жгло наши голые спины и луковичи на грядках было больше, чем песку морского, старый Хэнк сократил нам плату до 4 центов. Мы извили. Луковички полетели, как металлические снаряды, разбивая стекла Хэнкивских оранжерей. Гнев кипел и клочкотал в нас, как расплавленный металл.

— Повесить старого дьявола!— кричали мы.

— Организуем стачку!

— Стачку! Стачку!

На крики вышел Хэнк. Он завтракал, и сморщенная рожа его была испачкана яичницей.

— Кто здесь кричит о стачке?— зорал он, подходя.

Мы замолчали.

— Кто зачинщик?— орал Хэнк. — Говорите, а не то голову оторву.

— Мы не желаем работать за 4 цента,— сказала Франк, который был похрабее. — Ах, ты, польская морда, сукин сын,— зарева Хэнк, — он отсюда иди я тебя разорву пополам!

РИС. КОНСТАНТИНОВА

Тут мы не выдержали и все, как один, бросились на него. Хэнку пришлось плохо. Нас было много и разорвать пополам могли его мы. Через две минуты тренки он за-просил пополам.

— Плати по пяти центов, как раньше,— потребовал Франк.

Полицейского на ферме не было и Хэнку пришлось уплатить. Но он вооружился двустольными ружьями и выиграл нас с восем и воплями, преследуя около пополам.

С луком было покочено. Отец посмеялся над нами, а потом при-здумался.

Пойдешь на завод,— сказал он. Через неделю я пошел на завод За-падной сталелитейной компании.

С замиранием сердцем надел я штаны, которые доходили мне до щей, и пошел на работу. Меня поставили нарезать болты. Взрослые не особенно любили эту работу. Она требовала большой тщательности и точности. Сначала это ужасало меня, но мысль о том, что я работаю как взрослый, имело право внести прозоредеду и возвращаться с работы вместе с отцом и братом, работающим в отделении стальных вагонов, придавала мне смелости и уверенности.

И я начал новую для меня деуд. Сначала научился нарезать болты, но все же мне удавалось заработать только один доллар.

Отец и брат подбадривали меня:

— Набейшь руку, заработаешь больше. Не унывай.

И я начал болты изо дня в день. Сначала маленькие, а потом большие. Стара-вался изо всех сил, я прилаживал, принимал и вставлял их в болтосерный станок. Удуш-ливый жар шел от груды раскаленных до бела болтов, принесенных из соседнего ку-знецкого цеха и сброшенных прямо у машин-ны. Их провозили в больших тачках рабо-чие в одних штанах, пропитанных потом, который градом катился с их блестящих мо-крых тел.

И мои губы сохли от этой душальной жары. Я бежал к локшии в воде, медленно капавшей туда из ржавого крана, и был ча-сами. Тогда рабочий с ближайшего сверль-ного станка подбегал ко мне, хватал за по-лосы и орал в уои:

— Идет на свежий воздух, пареня!

Мы быстро подуражились, так как это повторялось обычно по нескольку раз в день. Нас, ребят в возрасте от 13 до 17 лет, ра-ботало здесь человек пятьдесят. Зараба-чивали мы гроши, и однажды все скопом отпра-вились к управляющему:

— Повысьте зарплаты!

Он даже не стал разговаривать с нами, а попросту послал нас ко всем чер-там. Это мне взорвало.

— Я не хочу работать в болтосер-ной.

— Это почему?— удивился он.

— Хочу в кузнечный цех.

Он пожал плечами.

— Твое дело,— сказал он,— только если я еще раз услышу жалобы на работу, я вышвырну тебя заводу.

Все было удивлено, узнав, что управ-ляющийся согласился на мою просьбу. Обы-чно, как правило, никакие просьбы рабочих им не исполнялись. Не нравится, уберайся вон с завода,— был его обычный ответ.

Но, так или иначе, я был переведен и, словно в пещеру, поставлен, несмотря на свой возраст, таскать к разрезальным ма-шинам тысячные железные бруски. Времена-ми, взнемаю от тяжести железных брусков, я с грохотом сбрасывал их на землю и броса-лся тушить рубуху, загорившуюся от ле-тяющих в полудне лучей. Каждый раз, когда я проделывал это, кругом раздавались изры-вы хохота, так как я, прыгающий и катаю-щийся по земле, был вероятно очень смеш-он. Меня же эти уковы предательских искр доводили до слез. Прожженная в сотне мест рубуха мой наполняла речето.

— Постуши-ка, парень,— сказал мне как-то Том Уоткинс, инструментальщик,— по- чему бы тебе не попроситься к паровому молоту? Таскать бруски надо бы парные подороже.

(окончание см. на 12 стр.)

ОГОНЬ ПО „ОБЩЕМУ“ РУКОВОДСТВУ!

Борьба за создание ленинского стиля в работе ленинского комсомола,— я нисколько не преувеличиваю,— была поистине героической борьбой. Речь шла не просто о проверке исполнения—речь шла обо всем характере руководства, о перестройке его, при чем о такой перестройке, которую приходится делать на ходу. А для того, чтобы обеспечить такую перестройку, надо было прежде всего обрушиться на так называемое „общее“ руководство, повести против него решительное наступление, открыть огонь по таким резолюциям, в которых имеется „взгляд и нечто“, но нет конкретного, оперативного и действенного подхода и вопроса. Ведь у нас в большинстве комитетов—мировые вопросы решали в два счета, а когда дело доходило до того, чтобы поставить будку для минеральных вод (например, на Сталинградском тракторном заводе) или навести чистоту в бараках на Магнитострое, то это для Нижне-Волжского комитета означало бесконечно труднее чем принять резолюцию о перспективах развития германского комсомола, а для Уральского обмена—чем шефствовать над комсомолом Франции.

(Из доклада тов. Косарева на пленуме ЦК ВЛКСМ)

И 3

— Приспись, шляпа!

Идеи, подыная Томом, засела мне в голову. Сидеть на высоком сиденье у парового молота и только переводить рычаги, посматривая, как внизу молот постукивает по железу, казалось мне раем. Много дней я обжигивала управляющего, но откровенно поспричь боялся. Лучше, что я мог получить в ответ, это шикоз и возглас: — Убирайся черт!

Один раз он так ударила полая, таскавшего пылящие бруски к молотам, что тот устал грудью прямо на раскаленное до бела железо. Парня снесли в госпиталь, откуда он вышел кадкой, а компания отказалась платить даже за его лечение.

— Все они—гады проклятые,—говорил старый Том, когда в цеху показывался высокая фигура управляющего.

В конце концов Том не выдержал и сказал ему, какого он о нем мнения. Будничу, понятно, вышвырнули на улицу в тот же час. Он даже с нами не успел проститься. Через некоторое время мне удалось перевестись к двухтонному паровому молоту. На соседний молот устроился Джон, мой школьный товарищ. Я был страшно рад этому. В горячие дни, когда становилось не под силу у молота, мы бежали к лохане с водой и жадно пили, как две загнанные лошади. Однажды, когда нам стало невмоготу, я, воспользовавшись отсутствием мастера, предложил Джону отдохнуть пару минут. Мы облюбовали себе место за большой печью недалеко от моего молота.

В те дни, когда работа была меньше, мы залезали с Джоном за печку и завтракали. Дым и вонючие газы не мешали нам. Не тревожили нас и крысы, играющие стадами тут же. Мы рады были вырвать хоть полчасика из этой девяти-десятичасовой подавленной каторги. И хотя рабочее время было ограничено, каждый день в цеху появлялся мастер и объявлял:

Ребята, остагесь сегодня сверхурочно! Попорюй-ка, не остагсь. Ну, и приходилось вырывать тайком хотя бы полурабочей отдышки.

Два года работали мы таким образом, потом нас всех вышвырнули на улицу. Нанались годы кризиса. Отец кое-как держался на своей трех-четыредневной рабочей неделе. А брат и я пошли гранить мостовые и обивать пороги фабрик.

Семь месяцев мы голодали, стояли на бирже труда, брались за все, что угодило, лишь бы заработать несколько центов. Наконец нам повезло. Стагелетинские фабрики Эдди и К° в один день наняли несколько тысяч рабочих. Компания, как го-

ворин, получила большой заказ из Советской России.

Рабочие, занятые вместе со мной, шутили: — Большевики, ребята, нам и засгь помогают. Не то еще будет, когда они засгадут в Белом доме вместо Гувера.

Мне поручили управлять огромным паровым молотом весом в две с половиной тонны. После семимесячной безработицы я изголодался по работе. Я орудовал молотом с такой неутомимой яростью, словно добывал им кровного врага. Даже старший мастер, наблюдавший за нами, сухой и скучной на похвалы человек, воскликнул:

— Bravo, парень, вот это работа! Но однажды вечером, собираясь итти домой, я получил приказ вернуться назад: меня переводили, не дав даже отдохнуть, в ночную смену. Я изврал, но что можно было

— Возле дом—резиденция американского правительства в Вашингтоне.

„Мы должны скорее пустить в ход 518 новых заводов. И этому пуску надо немедленно же подготовиться. Подготовка должна пойти прежде всего по линии проверки их готовности и пуску. Нужно в связи с пуском новостройки объявить большой всеобщий двухмесячный или трехмесячный поход ленинского комсомола за проверку готовности и пуску в срок 518 новых заводов и немедленно после плевнуза за это дело взяться—без крива, без шука, по-деловому, по-серьезному, влоиния в этот поход определение содержания“.

А. Котарев

„Смена“ готовит и печатает специальные номера, посвященные пуску автогиганта в Нижнем Новгороде и Резинового комбината в Ярославле.

Читайте, выписывайте, распространяйте „Смену“

сделать? Перспективы новых месяцев безработицы были страшнее нумы.

Кое-как переотерпел я эту ночь, рассчитывая, что будет легче в другие годы. Но как я ошибался! Первую ночь мы работали до трех часов утра. Я еле дотопался домой, повалившись на постель даже не раздеваясь. Но на следующую ночь нам объявили, что мы работаем до 6 утра. Это было уже издательство. Двенадцать часов работы с 6 до 6 в духоте, в огненнейшей жаре пещеры, когда в лицо бьет жар от раскаленного до бела железа. А мне было только 17 лет!

Теперь приходилось мочить и работать. Кризис в промышленности дал полную волю провозу администрации. Мы переплатили в рабов. Десять, двенадцать, даже четырнадцать часов работы стали обычным делом. Трудно даже представить себе этот ад. Ночью Город синг Хосовидный ветер гуляет по улицам, врываясь в разбитые окна заводских корпусов. В лицо летят искры от раскаленной стали, которую долбят гигантские молоты. Печи пышат удручающим жаром. Пот градом течет по телу, пропитывает одежду, каплет со лба, носа, шеи. Час, другой, третий... Гонка продолжается, не останавливаясь и не ослабевая. Оглушительный грохот молотов ревет в ушах. Внизу суетятся кузнецы, еле успевающие убраться руки из-под молота.

К концу двенадцатичасовой работы я настолько выбылал из сил, что засыпал на своем сиденье и лишь машинально, инстинктивно угадывая, переводил рычаги. Как я ни разу не раздробил рук или голов ребят, возникших у молота с раскаленным стальными инструментами.

Иногда меня будил голос Шиндта, кузнеца, работающего на моем молоте.

— Приспись, шляпа, убить, что ли, хочешь?

И я вздрагивал, открывая глаза, и снова огушительный грохот ревел мне в уши, и снова пылающий жар обжигал мне глаза.

Начеком мы не выдержали. Самыми трудными, почти невыносимыми часами были предутренние. В четыре, в пять часов мы были уже совершенно без сил. Тогда мы решили плавнуть на все последствие и урвать часок или полчаса отдышка на рассвете. Мы останавливали молоты и дожились возле штабелей из досок, приготовленных для какого-то ремонта. Ложались мы прямо на доски, которые казались нам мягкой пушкой.

И отдышка обычно вместе с Стайском, моим сверстником, комсомольцем из Кланвэнда. Он был первым, который открыл мне глаза на мир, на нас, рабочих, и на тех, кто выжимал из нас последние капли пота.

Однажды утром мастер налетел на нас коршуном.

— Почему молоты не работали сегодня после четырех утра?

— Т-е. как это не работали?—запросто ставали мы.

Словная установка не раскодалась пара постаг четырех,—отрезал он,—если это повторится еще раз, я выкину вас он.

Теперь за нами поставили наблюдать младшего мастера. Этот старший хойзийский лакей не давал нам ни минуты покоя. Но в конце концов жара и усталость одолели и его дряхлые кости. С большим трудом мы со Стайском договорили его передохнуть часок. Молоты оставили работать на деком постукивании для того, чтобы силовая установка, находящаяся в нескольких ярдах отсюда, не переставала работать.

Понимаете ли, что значия для нас это часовой отдышки на горячих досках после десяти-одиннадцатичасовой непрерывной работы? Мы дожились, очумелые от усталости и грохота, не обращая внимания на то, что холодный ветер врывался в разбитые окна и стайки крыс бежали по нашим ногам.

Так я работал полгода и эти полгода были для меня той школой каторги, которую сейчас застаивают пройти каждого рабочего, и той школой несправки, которую уносит рабочий в своем сердце, несправки к своим эксплуататорам. За эти полгода я благодарен и хозяевам и Стайску, они научили меня стать бойцом.

Пьесу «Ударники» я писал больше восьми месяцев. Писать приходится урывками, так как одновременно я работаю и на производстве.

Рабочие-ударники, идущие в литературу, часто не умеют находить время для литературной работы. В порядке обмена опытом рассказку о системе, которую я выработал для себя. В свободный от собраний и общественной работы день, придя с завода в 5 час. дня, я обедаю, затем ложился часа на два, а три спать, а часов с восьмью вечера со свежей головой принимался за литературную работу. Работал часто до 3-4 часов ночи, а иногда и до утра. Это не значит, что я все время писал. Нет, еще работая над планом и черновиками пьесы, я понял, что знать одну свою бригаду, один цех или даже завод далеко недостаточно. Пришлось много узнавать, читать о других заводах, об отдельных рабочих, пришлось заехать за Ленина и, так как драматургу надо хорошо знать театр, пришлось привыкнуть также и за изучение пьес классиков (Островского, Ибсена, Шекспира и др.) и современных драматургов («Быстрые Либединского, «Чужак» Афиногенова, «Реальсы гуляют» и «Хлеб» Киршона). Учиться, работая над пьесой, надо было гораздо больше, чем писать.

Мне кажется, что рабочие-ударники, идущие в литературу, зная о чем писать, почти всегда начинают со стихов, с очерка, а не с пьесы, потому что драматургию считают чуть ли не самым трудным и сложнейшим из видов искусства. А это не так! Я убежден, что хороший очерк так же трудно написать, как и хорошую пьесу. Вопрос о трудности, я считаю, должен отпасть; ударнику с трудностями бороться не новость, и бояться трудностей ему не к лицу.

В театре и особенно на клубных сценах свирепствует халтура всех мастей и цветов.

На театральном фронте прорыв; там больше, чем где бы то ни было, засело людей чуждой пролетариату идеологии. Перестройка театра идет черепашьим шагом. Мы должны театр—это могучее средство агитации и пропаганды—возможно скорее целиком переклестить на службу социалистическому строительству. Рабочий зритель должен видеть на сцене не халтуру, а пьесы, показывающие героев пятилетки, культурный рост масс, перестройку быта, борьбу за овладение техникой. Нам нужно больше писать и учиться писать для театра.

В своей третьей по счету пьесе «Ударники» (до этого написал «Ледолом» по роману Горбунова и «В дороге» по роману Платошкина) я хотел, как позволили силы, показать жизнь небольшого механического цеха на небольшом отрезке времени.

Главное действующее лицо, конечно, коллектив. А коллектив—это люди, и к тому же люди все разные, разные даже и в том случае, если они: а) работе и в жизни объединены одной общей идеей.

Цех, не овладевший техникой своего производства, с огромным напряжением, с огромной затратой физических сил, героически борется за выполнение квартального плана. План выполняется. Но во сколько раз план мог бы быть перевыполнен, если бы цех овладел техникой?!. В этом идея пьесы.

Один из моментов жизни этого цеха и, показан в печатном ниже отрывке.

Демин (подходит к Федору Ивановичу). Ну, Федя, держись...

Федор Иванович (тонкая рука). Да... решающий пыле день. (Увидев идущую мимо комсомолку Калку). Эй, Калка! Как там себя комсомолки чувствуете?

Калка. Ты не беспокойся. У нас на этот счет свое, особое предложение имеется.

Демин. Какое это такое...особое...

Калка. А вот подожди, услышишь... (Уходит).

Демин. В основном настроении в цеху отличное... Скоро закончат?

Федор Иванович (смотрит на часы). Через пять минут.

Сергеев (подойдя к Шуре). Забудь завтра со склада бензину выписать, весь бензин-то, а то... утром понадобится.

Шура. Товарищ Сергеев, сказал раз и хватит,—ответила—выпишу, значит выпишу. Что ты каждую минуту подходишь...

Сергеев. Ну, чего ерещишься... слышайшая какая...

Демин. Ну как, Сергеев, выдержит?..

Сергеев. Я-то ничего, выдержу, а вот Пан боится,—говорит—как бы не умереть с катушки. Вот как у нас...

Демин. А ты полюби его. Ты ему скажи, чтобы с Федора Ивановича пример брал. Федор Иванович со лет хочет прожить нахрапом.

Сергеев. Ладно: Так, значит, и перестану.

Маруся (входит в халтуре с ведрами и мешками). Директор с Петром Сергеевичем идет.

Директор и Петр Сергеевич—главный инженер—сходят в халтуру.

Директор (в халтуре). Ну, как дела?... Товарищ, как на фронте, Федор Иванович.

Федор Иванович. Я тебе давно сказал: выработал встречный, стало-быть, его и выполняю.

Директор. Ну, ну. А вот Петр Сергеевич сомневается.

Петр Сергеевич (показывая фигуру). Не сомневайся. Я утверждал, что он сильно преувеличил, что при наших возможностях выполнить его трудно,—и мотор в цеху стар, нагрузки может не выдержать.

Но теперь, вижу своими глазами,—выполняется... Я удивляюсь...

Демин. Между тем. Не удивляйтесь так часто. Промышлять и не такие планы выполняют...

Федор Иванович. Ну, ты, Маруся, иди, иди отсюда. Делай свое дело.

Директор. У вас митинг сейчас?

Федор Иванович. Да. (Смотрит на часы, Демину). Ты, Ваня, объяви...

(Раздается звонок. Останавливается работа в цеху).

Демин (кричит в рупор). Товарищи!

Не расходишь! Все в красный уголок! Товарищи! Не расходишь-цель!!!

Рабочие собираются в красном уголке. Шум. Раздается смех, шутки. Колесомко-кая бригада держится отдельной группой. Среди рабочих появляется в белом платье заводской врач Марк Осипович.

Маруся (Федору Ивановичу). Ну, когда же ты меня на станок-то переведешь? Надоело с метлой физкультурить. Где же твое станок-то?

Федор Иванович. Подожди, Маруся, не спеши.

Маруся. Нашла я себе станок-то, вон у окошка стоит, свободный, и отремонтировать его пара пустяков. Сам бы обещал. Чего медлишь? Кричите о скитлых ресурсах, а вот распалада тебе ресурс, а ты торжосишь?!

Голоса. Начинать. Чего ждете? Эй, подтягивайте ребята. Собрался, начинать!

Демин. Внимание! Товарищи! Слово даю куполополюченному, товарищу Кистанову.

Кистанов. Товарищи! До конца квартала остается всего один день. Вопрос надо ставить ребром. Скажу прямо—дело обстоит не совсем благополучно. За один встречный день программу квартала не выполним. По подсчетам, на полное, стопроцентное выполнение надо самое малое еще четырнадцать часов. Трудовые красные знамя, с большими трудностями завоеванное нашим цехом, можем упустить. Заване ударного, лучшего цеха по выполнению программы с нас могут сдуть. Встречный профинанс под угрозой срыва. Считаю, что мы должны приложить все усилия и к сроку программу выполнить. Не дадим пыткам и маловерам

смеяться над нашим цехом. Механический цех был и должен остаться лучшим цехом завода. Выпишу, товарищи, этот вопрос на обсуждение.

Демин. Слово от имени комсомольской бригады имеет т. Комарова.

Калка. Товарищи! Раз ребята остались на четырнадцать часов, значит наша бригада так думает: если выписать завтрашний восемь часов, то останется шесть...

Петька. Ай-да Калка,—верно считала.

Калка (перебивая). Ты, Петька, заткнись. Не время сейчас шутками заниматься.

В виду этого комсомольская бригада в отношении остающихся шести часов вносит свое предложение. Слушайте внимательно... (Обращается к комсомольцам). А ну, ребята!

Комсомольцы (горло). Предлагаем От-ра-бота-ть! Се-год-ни!!! (Молчат).

Андрей Владимирович. Я все-цело поддерживаю, хотя я и избегал за день.

Маруся. Это ты-то, Андрей Владимирович, избегал, стоя у станка-то? Тебе бы с мое сегодня побегать, ногит-у тебид до колесок бы стесалось.

Андрей Владимирович. Что ты в бутылку лезешь, Маруська. Я же не против отработки.

Маруся. То-то же.

Бобялеса. Товарищи! Мы соревнуемся со сборочным цехом. Мы в сборочном цехе детали доставляем... Не дадим им деталей, стало быть и у них задержка. Значит, программу и они не выполнят. Это прорыв будет. Да я сама себе в руку наляпою, если не-за меня на заводе прорыв будет. Комсомольское предложение предлагаю единодушно провести в жизнь.

Демин. Слово даю заводскому врачу Марку Осиповичу.

Марк Осипович. Должен решительно поддержать. Всякие сверхурочные работы запрещаются. Я категорически протестую против предложения комсомольцев.

Голоса. Довольно! Долой! Заткнись! Запрещать какой налеса.

Марк Осипович. Существует определенная инструкция.

Гариков (кричит). Тут живой профинанс срывается, а инструктора пугает.

Голоса. Остаемся. Программу выполнять—вот наша инструкция. Наш промфинплан—красное наше дело! Отработаем! Не упустим первенства! (Шум).

Марк Осипович. Товарищи, дайте высказаться, не заткните вы мне рта... Как врач, официально...

Голоса. Не хотим. Довольно... Врачи у нас хорошие, только тебе сегодня делать здесь нечего! (Шум).

Марк Осипович. Я жалобу буду писать...

(Шум, смех, сонно).
Демин. Товарищи, лучше всего комсомольской бригады предлагать считать принятым.

Голоса. Ясно... А ты как думаешь? (Обириательный шум).
Федор Иванович. А может, кому неохота оставаться работать, может, кто скажет, чешни брюхо, а я спину,— прочтем всю зиму.

(Смех).
Голоса. Нет таких. Рабочие так не скажут!

Федор Иванович. Может, кто глаза корабльком, да и юрк из цеха...

Голоса. Нет таких! Таких не предвидится.

(Шум, смех).
Демин (кричит в урну). По станкам, това-арищи (Федору Ивановичу). Пускай мотор, Федя! В грязь лицом не ударим... Директор, не протестуешь?

Директор. Улыбайся, машей ручкой. Рабочие идут к станкам. Классовым грядкам песню. Федор Иванович включает мотор. Нет иррадиит в движение.

Директор (Петру Сергеевичу). Ну, здесь все в порядке... Пошли!

Петр Сергеевич. Да, да.

Демин. Наш цех не подкачет, товарищ директор.

Директор. Да, у вас крепко.

Директор и Петр Сергеевич уходят.

Маруся (Федору Ивановичу). А меня не поставишь к станку-то?

Федор Иванович. Ну, куда я тебя поставлю... Не на фрезерный же тебя ставить? Ни одного станка сейчас свободного нет...

Маруся. Что же метай писать, что ли, какое же это соревнование, я тоже хочу промфинплан выполнять.

Марк Осипович (Федору Ивановичу). Я жалобу напишу, я протестую... Я категорически запрещаю работать следующим товарищам: Бобильевой, Морозовой и уборщице...

Маруся. Мне?

Марк Осипович. Не перебивайте... У Бобильевой и Морозовой дети, у Морозовой дети грудные... Это факт... А уборщица приходит в цех на два часа раньше всех—это тоже факт, а почему-то до сих пор все еще здесь. Вам ее лечить не придется... Разве это порядки! О профилактике вы что-нибудь слышали? Я акт составлю, я заводскую охрану туда позову.

Федор Иванович. Погоди, погоди, сплюшной брыждай! У Морозовой грудной, поборщицы? Правильно, ушла Морозова, а Бобильева... позову сейчас. Маруся, крикни-ка еще сюда и Морозову тоже... Сейчас, Марк Осипович, разберемся... Не горячься...

Марк Осипович. Как же не горячься...

(Бобильева подгоняет).

Федор Иванович. Бобильева, у тебя дети дома, тебе необходимо того,—домой спешить!

Марк Осипович. Да, да. Немедленно...

Бобильева (Федору Ивановичу). Это чтобы я домой ушла? Ты что это, старый черт, выдумал...

Федор Иванович. Нет, ты не ко мне, ты к охране труда обращайся...

Бобильева (Марку Осиповичу). Ты что это, белены что ли облежал? Коммунистка я или нет, я тебя спрашиваю... В цеху самый зарплат, а побудь дочкой детинкам солиди угнать. Ты что это—думашь—один вестер они без мамки не обойдутся. Нет—лучше и сопляки чувствуют, что рабочие для

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ.

Только что я прочел в „Смене“ № 17 ваше товарищеское письмо, в котором вы приветствуете меня. Громадную радость доставил мне этот коллективный привет. В наступающих боях в Германии этот привет будет служить для меня поддержкой и подтверждением того, что действительно за нами, немецкими коммунистами, стоят в СССР миллионы. Верте: германский классово-сознательный пролетариат и, в первую очередь, коммунистические рабочие готовы при малейшей угрозе империалистской войны против СССР защищать его всеми силами.

D. Friedel Wolf

них социализмом добиваются, вот что... Я, Федор Иванович, к станку пошла, вот что... А охрану труда-то ты сегодня гони в шею из цеха, чтобы не мешалась... (Звонит).

Марк Осипович. Я протестую...

Это ни на что не похоже...

Позовишь Морозова и Марусю.

Морозова. Не пойду я домой...

Федор Иванович. У тебя же грудной...

Морозова. Ну, и что же... стыдно мне уходить... не умрет. Подумаешь, чай, не барский—там сестра дома...

Федор Иванович. Нет, ты иди...

У Бобильевой больше, еще туда-сюда, а у тебя грудной, это уж перебор будет. Ну?.. Слышишь... (Морозова не отвечает).

(Ласково). Смена крепкой должна ра-

сти...

Морозова. Ну, ладно (привисает, уходит).

Марк Осипович. А уборщица?

Федор Иванович. Эй, Маруся, куда убежала! Иди сюда. Собирайся к до-

мой.

Маруся. Да, как же...

Федор Иванович. Ты еще молодая, успеешь на своем веку поработать.

Смотри, какая бледная... Убегаешь за день-

дочку... Позову раньше всех в цех приходи-

ть... Идешь домой, словойно... Завтра на

станок переда, Слышишь?

Маруся (ридетом). Переведешь,

верно?

Федор Иванович. Иди, родная, переда, на революционный посталью...

Маруся. Вот хорошо-то! Вот спасибо-то!

Федор Иванович. Собирайся к до-

мой... Ну, быстро...

Маруся. Хорошо, хорошо...

Марк Осипович. Ну, вот так-то

оно лучше будет. До свидания (клянется и уходит).

Маруся сияющая халат, обвешана и худыми. Книжонка в руке идет к выходу.

Федор Иванович. Леонид, а ты куда?

Кистанов. В завком. Федор Иванович. Неудобно, Леонид... Ты ж ведь как-никак цехуполномоченный, первым быть должен.

Кистанов. Неудобно, видишь... Дело серьезное... Сейчас вернусь, видишь,—без фуражки (уходит).

Григорч. Цех. Устроили тебя рабочим. Кажется, что цех иллюстрирует одной эпиграммой и является впервые без удочки, дрожки и подпрыгивая от зловонной пыли молотом, от промфинплана ильминаний сверкающих стальных, от ильминат речей, от радостных ахловского песни голосистой сельской брига-

ды... Демин (подбегая к Федору Ивановичу, кричит, не помня себя). Федя... Думали ли мы, когда ты меня сюда мальчишкой привел в цех... Думали ли мы, что так работать придется. На своем заводе! В своем цеху! Федя? Дьявол меня поберит!!!

Федор Иванович (ероша Демину вполголоса). Горячи ты голова... Радостно на своем-то заводе работать?!

Демин. Федя, Федор Иванович, родной... (Трещет он. Не помня себя, кричит). Ленька, Леонидка! Где Леонидка-то? Леонидка-то где?

Федор Иванович. Ушла... в завком... Эх, встану-ка я за его станок.

Демин. Слышишь, как загрелся цех! Слово оркестр на фронте...

Колосовичи в этот момент свои грядки песню, рабочие подхватили.

Что это, Федя?.. Что это?!

Федор Иванович (вторящая окки, кричит). К станку, Демин!!!

Заванес.

ДАЕШЬ УРОЖАЙ!

Л. АЛЕЛЕНОВ

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

1.

Деду Игнату Петровичу Перебойно много лет, и много поработали его руки. Он прожил еще барону Штейнгилю, как многие батраки из его станицы. Если бы не убрала барона революция, работал бы дед и сейчас. Но он получает в колхозе паек нетрудаоспособного и дожидает спокойно свои дни. Он хвратится, хочет и в этом году идти в сторожа на огороде.

— Ну, вам ли гоняться за молодыми? Отдыхайте!..

Дед обижен. Что он, инвалид, что ли? Бывало...

И за этим «бывало» дед хочет скрыть свою немощь и рассказать о себе, молодом, здоровом батраке.

«Давненько не будо». В тот год полегла трава от дождей. Такую траву трудно косить даже сенокосилками, не то что косами. А плата копеечная. Пошли батраки к барону под затейливое крыльцо трехэтажного дома. Барон вышел в халате.

— Что нужно? Идите к управляющему.

Батраки были у управляющего. Они хотят говорить с бариним. Они просят увенчать жалование. Они не пидуть косить и не выдут на пшеницу без прибавки.

Барон топал ногами, грозил вызвать черкесов. Батраки стояли на своем. Ни в тот, ни на следующий день никто из них не пошел на покос. Батраки разбрелись по саду, сидели возле баронского дома и ждали. Прибежал парень и отчаянно крикнул:

— Вызовит!

Из ворот вывозили новые сенокосилки и жейки. Таких каверы никто не ожидал. Барона хотели взять измором, а барон выкатил машины. Обычно они стояли без употребления. Батрацкий труд обходился дешевле машинного.

Убедительный вид готовых к работе машин заставил батраков сдать. Машины выкатили обратно в сарай. Провокация удалась.

После покоса, когда время подошло убирать пшеницу, ночью в сарае озверело ломали косячки, с остервенением выдергивали крылья у жеек, рубили их в щепу, выворачивали дышла, отвинчивали колеса.

На новое требование увенчать жалование барон ответил платками черкесов и вызовом казачьей сотни. Барон мстил.

Бунт против машин подавили.

Барон Штейнгель быстро усвоил «рас-сеяские» методы обработки земли.

— Волк, зверь лютый був нашему брату барон Штейнгиль, — говорит Игнат Петрович Перебойно, разрушитель помещичьих машин.

2.

Юный белобрый Димит Тик (Дмитрий Тихуню), корреспондент газеты, вооруженный блокнотом № 109, сегодня сообщил, что и теперь не любит и ломает машины. На питом участке в семье наши куски железа, изрядную порцию голышей и другой драны. Селька лишь случайно не изломалась, несколько рядов посева сои испорчены. «Чьи-то руки вредят по мелочам». Димит Тик искренно возмущен: «Все гады».

3.

Совхозский тракторист Хлебичев несколько раз плавил подлинники, нарочно разбирал тракторы товарищей, задерживал работу. Хлебичева выбросили из совхоза. Другого тракториста судили за нерадивое отношение к трактору.

В шестой бригаде «сударники» — трактористы Маслов и Черновал — ломали прицепной инвентарь, подолгу без нужды простоявали.

— Соревнование дураков любит, — откровеничали приятели. — Ударяться без шансов на нового пана. Мы посрамим.

«Новый пан» — это совхоз, именно советской власти. О «новом пане» приходилось слышать не раз пространные рассуждения.

Агитация кулака зловонным запахом летит во всякие щели.

Распавшиеся подлинники, жеедарники — звенья одной классовой цепи.

4.

Другую цель оставили крепкие люди.

Маруся Пивоварова несколько лет назад пришла в совхоз и попросила работы. Была она неграмотной робкой батрачкой. Ста-ла уборщицей в совхозуе. Поддержала комсомольская ячейка. Маруся проходит курсы, становится комсомолкой, ученицей совхозуа, членом партии.

В дни сева совхозуа — на полях. Ученики показан квалификация полеводов, трактористов, механиков и крепкую хватку умелых массовиков.

Маруся Пивоварова на третьем комсомольском участке. Она — комсомолка, член партии секретарь партбюро, организатор стениагеты и школы, массовик и при случае, когда нехватает людей, — рулевая.

Все тревоги борьбы за сев, за красное знамя, за честь молодежного участка перенесла вместе со всеми Маруся. Комсомольцы ювели знамя, выйдя победителям в борьбе за сев. Дня торжества по праву принадлежит Пивоваровой. Она поспевала везде. Ее энергия словилась не мало неурядиц на комсомольском участке, возникшем на голый степи совсем недавно. Хрупка, отпад не героического вида, она выказала стойкость характера.

... Нет баги на участке. Ребята не раз поднимали шум из-за нее. Были случаи дерзости от неустрашенной жизни. Ходили ребята чужаке, кудлатые, откладывая «на когда-нибудь» сроки вытьи.

Маруся грела воду и собственноручно мыла грязные чубы. Много на них оседало пыли от тракторной пахоты.

Пивоварова села постоянные стеники с незадачным комсомольцем Кучиным, предработчиком. Был он слишком задумчив для горячих дней.

Она без стеснения откидывала полу палатки, сошмыла ребят:

Сматривает, снит Спит Кучин, снит рабочком. А учета соренования лет, учета ударничества нет.

И Марусь сама составляла сводки.

5.

Собственно, честь победы третьего комсомольского участка принадлежит трактористам. Все остальные — посевы, коть и необходимая сила. Вали перепахавшее Красное знамя четырнадцать рублевых. Патеро из них презироваы за высокие нормы вспашки и сева, за снижение горячего, за выполнение сроков, за качество. Среди пятых — Давид Дитерас. Он виху памятник участку безавестной любовью к трактору и умелой работой.

Давид любовно ухаживал за машиной, и трактор платил ему за это бесперебойной работой.

Колонна в степи. Давид Дитерас в седле вперед колонны, чумакий, чуть серезный и сторожий. «Цыгарка» угасла, пепел обдут ветром. Давид гонит первую борозду.

Он восхищен и вызывает зависть умением отбить поспе, как по астрольной. Он чувствует трактор, как умелый асстич чувствует самолет в тумане. Борозды его были ровны, как линия тончайшего чертежа. Ровные, несмотря на длину в несколько километров. Это умение уже переходит в искусство. И искусство водить трактор предавался Давид, как художник. Это чувство «чести, славы доблести и героизма».

Когда ровен ход «Интер», когда он заправлен, вычищен, смазан, гудит одной нотой — нет охоты останавливать его. Даже на обед. Пласти черномоза тропинкой рядом покорно ниснут лицом в землю.

Дитерас с а у с а е т трактор, руки легко лежат на колесах. Проголодался без остатка. Время поест. Видит Давид издалека жокару. Кухарка нежно держит ведро с борцом в руках.

На табор привезли обед. Но ходок и размашист совершенно уверенный в себе шаг «Интер»... Жокара рядом.

Давид сюда, — закричала Давид, идея первой скоростью. Кухарка поняла. Рулевой бережно принял миску, довка сделал поворот, держа одну руку на колесах. «Интер» уехал безусловно послушный ему плугу, не сбившись с борозды. Давид обедал. Потом заснул за вторым.

В тот день Давид Дитерас взял высший показатель выработки, не снизив качества. На доске соренования самая большая цифра выработки глядела на его фамилию.

6.

С участков приезжают отдыхать в Хуторок. Хуторком называют в окрестных станицах и на участках центральную базу агроиндустриального совхоза им. Сталина. На центральной базу едут, как в город из деревни. И здесь дополнительный город, прототип будущего агроиндустриального социалистического города.

Барон был культурным парваром. Он выстроил дом. Где-нибудь на Рейне он сохил бы без всякой натяжки за замок. Парк, в который спиритизм хуторок — неплохая выделка камня, стоящая ему немало денег. На территории Хуторок раздал стелы задержан лесьями. От железной дороги до реки Кубань — джентель лес-парк. Прекрасная защита от северо-восточного ветра для огородов.

Над Хуторком высится две фабричные трубы. Агроиндустриальный совхоз «Агро» — это водозащитная степь, индустриальный, галетная фабрика, винзавод, электростанция, мельница, кирпичный завод, маслозавод, хлебозавод. От станции Новобуканская, от центральной магистрали Сев.-Кав. ж. д., незадолго уезжая к совхозу пара рельсов, возлагающая на фабричный двор. Товарные вагоны, цистерны, пахнувшие Баку, платформами с лесоматериалом вкатываются в ворота.

По шоссе центральной базы мчатся грузовики, легковые машины, подводы. Движение бесперебойное.

Уверенно пролетают велосипедисты. В парке орожен летний сад, там вечером, с наступлением темноты, каждый день мерцет новый фильм на довольно-таки ровном полотно.

На центральном участке расположен совхозчик (в баронском доме), вечерний раб-

в тракторной колонне

ФОТО Е. ИГНАТОВИЧ

фак, курсы директоров зерносовхоза, курсы по подготовке в техникум.

Не идите здесь деревню. Не идите здесь чего-нибудь такого, что бы было мило сердцу поэта Орешкина. Здесь даже пустырь за галетной фабрикой превращен в прекрасный обширный стадион. Здесь исчезает граница между городом и деревней.

Организация труда здесь перенесена с промышленных предприятий. Здесь участки разговаривают с центральной базой по телефону, дружелюбно переругивались со станцией. Здесь царит план, возглас в рамках труда, здесь организованная встреча урожая, обязательная комсомольская охрана его, самообязанция комсомола и дирекции до конца уборки.

Здесь машины диктуют темпы. Набрасывая первый чертеж охранны урочка, комсомольцы и все ответственные за зерновой город, смотрели в сторону сельхозмастерских.

На громадном дворе мастерских небывалое оживление. Союз спонсорства, ярко окрашенные, как сарафан украинки, возмужали сотнями крыльев. Отработавшие (до осени) плуги, вздернули джелехи от земли, стоят металлической цепью. Локомотивы спрятались от дождей под навес. Они безработные. У многих испорты животные и выдана путаница

чужуных внутренностей. Они безработные, — молотилки будут вращаться более подвижными тракторами.

Направо под навесом серые громады шести комбайнов. Их косы покоятся на транспортных тележках еще не отточенные. Зубья кос закусил прошлогоднюю солому. Солому выбросит, косы наточат. Комбайны поднимут пшеничным полем, и штурвалы на «капитальном мостике» будут следить за обмолотом и сигнализировать грузовикам, когда подолоты тонны зерна наберется в аэрохранилище.

У мастерской стоят несколько тракторов, изуродованных руками вредителей Хлебцевичей. Они с трудом поочереди входят в мастерскую, следы шин остаются на деревянном полу. Здесь чинят, клепают, проверяют, собирают. Урожай близок.

Машины должны быть готовы в срок. Комсомольское собрание, заседавшее после мастерских, под аккадами, на траве, постановило выставить дозорные посты по мастерским. Охрана — так охрана! Ударные комсомольские бригады сократили сроки ремонта на пять дней встречным планом ударных темпов.

Урожай близок.

Будет темп, будет качество...

В своем очерке Агнеса Смидли рассказывает политическую биографию Шан-Фей — пламенной профессиональной революционерки, посвятившей всю свою жизнь делу китайской революции. Автор очерка — Агнеса Смидли, американская журналистка и писательница, в настоящее время живет в Китае, работая корреспондентом газеты «Франкфуртер Цейтунг».

АГНЕСА СМИДЛИ

Это — история Шан-Фей, дочери богатого помещика провинции Хуаншань в Китае ставшей коммунисткой и женой одного из вождей крестьянского движения. Шан-Фей в ранней юности ходила в школу, носила шелковые платья, имела самоинициальное перо. Ее мать была женщина старомодная. Как у всех китайцев, у нее были с детства забиты ноги. Безропотная, она подчинялась малейшему желанию мужа, который придерживался всех старых обычаев.

Но, когда ее сыновья выросли, они пошли в школу и вернулись оттуда с новыми прогрессивными идеями.

Пламенные речи социалиста и собственный тяжелый женский опыт заставили мать серьезно задуматься над судьбой дочери.

Слезам, интригам, хитростями ей удалось добиться согласия мужа дать дочери образование. Для нее наняли учителя, обучавшего ее китайской азбуке.

Тем не менее, маленькая Шан-Фей ходила со связанными ногами и, как требовал обычай, с детства была помолвлена с младшим сыном богатого соседа.

До одиннадцати лет Шан-Фей терпела тиранию отца. Варг отцу скоропостижно умер. Не успели его похоронить, как Шан-Фей сорвала повязки, уродовавшие ее ноги.

Земля на могиле отца еще была влажной, а Шан-Фей уже поступила в школу.

Маленькие ножки были развязаны, но ведь до этого целых пять лет они были связаны. От этого большие пальцы успели омертветь и всю жизнь мешали ходить Шан-Фей.

Один из главных символов женского рабства исчез. Оставался еще другой — помолвка с сыном богатого соседа. Такие помолвки в Китае имеют силу законного брака, и родители, расторгая их, преследуются законом, как совершившие тяжкое преступление.

Мать Шан-Фей заведомо злила в том, что она всеми силами старается помешать этому браку и, что еще хуже, говоря, будто она всячески помогает дочери в ее борьбе за женскую независимость. Затем разнесла слухи о том, что Шан-Фей организовала забастовку учащихся против школьной администрации. Ей было около шестнадцати лет — самая пора для замужества. Шан-Фей исклю-

ние женщины, и она хотела почитать ее по-матерински.

Шан-Фей была молода и неустранима, она гордилась тем, что два раза избежала похищения, и верила, что опять выйдет победительницей. Перед отъездом она стоварились со своими школьными товарищами организовывать побег, если она не вернется в Ухань в положенному сроку.

Едва была похоронена мать Шан-Фей, как вооруженные люди окружили дом и силой увели Шан-Фей в дом ее жениха. Там ее одели в свадебное платье, и дажи ей возможность прийти к себе перед предстоящей церемонией. Шан-Фей объявила голодовку и голодала в течение целой недели. Прекратила она ее только благодаря другой непокорной женщине, первой жене богатого соседа, подружившейся с Шан-Фей.

Благодаря ее клятвенно девичьему разрешению было дозволено по дому и двору.

Однажды из Ухана приехали двое учащихся — девушка и двое мужчин. Они остановились по соседству и с помощью подкуленной прислуги передали письмо Шан-Фей. Как-то поздно вечером Шан-Фей подошла к стене и быстро исчезла по другую сторону. В эту ночь они и ее друзья ускользали по направлению к Уханю.

Это было летом 1926 года. Южные армии начали осаду Ухана. Шан-Фей бросила учебу и стала членом союза коммунистической молодежи. На работе она познакомилась с одним из руководителей крестьянского движения и полюбила его. Нарушив веления закон, связывавший ее с сыном богатого помещика, она вышла замуж за человека, которого любила. Она стала жить так же, как и беднейшие крестьяне, одевалась, как они, ела то, что они, работала, как они. Даже во время беременности она отдала всю свою энергию революции, и когда родился ребенок, посадила его себе на спину и продолжала работать.

В то время гоминдан еще не входила в партию социал-предателей и компартия работала вместе с ним. Как наиболее активная женщина-революционерка, Шан-Фей была послана на родину в качестве главы женотдела гоминдана. Стала членом революционного трибунала, который судил врагов революции, конфисковал земли богатых

иногда приталась в лес вместе с теми, кто не решился ночевать дома. Военные отряды нападали на восставших. Крестьянское движение было разбито, тысячи революционных крестьян убиты, и Шан-Фей опять вернулась в Ухань. И снова ее послали в самую гущу борьбы. На этот раз она поехала как член гоминдана в город, где господствовали милитаристы. За городскими стенами стояли крестьянские отряды, в городе Шан-Фей официально действовала как глава женотдела гоминдана, а потихоньку вела пропаганду среди солдат и рабочих. Начальник юридического отдела выболел в нее. Он был богатый человек, сторонник восставших, Шан-Фей благосклонно слушала его объяснения в любви, но не забыла распространить его, карово планы уничтожения крестьянских отрядов. Он подробно их ей изложил, а она сообщила об этом восставшим крестьянам. Одним из руководителей крестьянских движений был ее муж. Наконец крестьянские отряды атаковали город. Шан-Фей так смело и открыто вела пропаганду среди гоминдановских войск, что ее арестовали, посадили в тюрьму и приготовили к смертной казни. Она послала за своим излюбленным объектом. Он поверил ее показаниям, отпустил на свободу и помог выбрать из города. Между тем, крестьянская армия потеряла поражение. Среди оставшихся в живых оказался муж Шан-Фей, которому удалось выскочить из Ухана.

По заданию партии Шан-Фей лечила литературу. В один прекрасный день ее дом был окружен солдатами, но ни ее, ни мужа, не было дома. Шан-Фей излазила выделка, как солдаты окружают дом. Несколько часов спустя они прорылись к себе, чтобы взять ребенка. Но он уже был потоплен и ведре с водой.

Однажды Шан-Фей вздумала посетить начальницу Уханской школы, где она училась, и осталась там ночевать. Утром ее разбудили громкие голоса. Среди них ей показалось, что она слышит голос мужа:

— Мы умираем за коммунизм! Да здравствует революция! — ясно слышала она.

Ее приятельница — актриса еще ушла и воскликнула:

— Каждый день сюда приводят коммунистов и казнят их на этой площади.

Раздался залп, крики замолкли. Шан-Фей бросилась к месту казни. Солдаты шли обратно. Небольшая кучка людей с любопытством смотрела на длинный ряд мертвых тел. Шан-Фей упала на неостывший еще труп мужа.

Белый террор свирепствовал в Ухане. Шан-Фей выслана из области, она хитростью из города в город работала на фабриках, организовывала женщин и детей. Довго она не могла работать на фабрике, искаленные ноги не позволяли стоять у машины по двенадцать и четырнадцать часов в день.

ОБЪЯВЛЯЕМ ЧЕЛОВЕЧНО, ЧТО ФАКТ

РЕЖИССЕР — Г. ВАСИЛЬЕВ
ОПЕРАТОР — Л. ПАТЛИС

НАУЧНАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ЕСТ. НАУЧ. ПОДСТАЦИИ

ПРОИЗВОДСТВО ЛЕНИНГРАДСКОЙ Ф.К.И.

СОЮЗКИНО

МОНТАЖНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РАБОТА
ГУСЕВА и МАРТЫНОВА

РАБОТА УДАРНОЙ ГРУППЫ.

ПРОИЗВОДСТВО **ВОСТОКИНО.**
Объединение **СОЮЗКИНО.**

Упомянуто. Главитка № В-8920. МГ 2030. Зав. № 6195. Типо-лит. Акц. Изд. О-ва «ОГОНЕК», Москва, Сретенка, Посадский пер., 26.

удачная книга

«...без лямки»
прочтите эту книгу

На последнем пленуме ЦК ВЛКСМ тов. Косарев совершенно справедливо отметил оставание пролетарской литературы от задач и борьбы ленинского комсомола. Героическая борьба ленинского комсомола на всех участках социалистической стройки почти совсем не отражена в литературе.

...Когда речь заходит о книге, то тут дело обстоит неважно. То, что пишется для ударников и рабочей молодежи, еще не подходит. Героическая борьба ленинского комсомола на всех фронтах социалистического строительства все еще нешла (за отдельными исключениями) своего отражения в литературе¹ (А. Косарев).

Так, чрезвычайно мало внимания уделялось работе комсомола в шахтах. Мы не имеем ни одного художественного произведения, показывающего работу комсомола в основных отраслях промышленности. Кроме отдельных очерков З. Чатана, Б. Галина, М. Смоленского, М. Кушнера и некоторых других (собраны в книге «Донбасс ударный», изд. ГИХЛ), мы о Донбассе имеем всего одну-две книги, принадлежащие перу² самих рабочих Донбасса (например, К. Гудок-Еремеев).

Все эти моменты заставляют с особым вниманием отнестись к книге рабочего донбасского писателя В. Хмара — «Без лямки».

Героическая борьба молодежи за механизированную, социалистическую шахту Донбасса, за ударничество — против оппорту-

низма, косности, рабских навыков и темпов работы — вот тема этой книги.

«Без лямки» — несмотря на отдельные художественные недостатки, очень свежо, живо показывает борьбу передовой молодежи за шахты Донбасса. Место действия повести — Болотинский рудник. В начале событий на руднике «мерзость запустения». Социеронопанис не развернуто, механизмы заброшены, не работают, подземные ходы никогда не осущаются. Повсюду пышка, безобразная пышка. Недаром директор Стелькин на вопрос: «В чем выразились результаты непрерывки?» — деловито отвечает: «Прежде пыхот от субботы до понедельника, а теперь — от понедельника до субботы».

Пьют шахтеры, пьют администрация, их опережают профработники.

Партия и правительство зовут на ликвидацию угольного проныра. 30 молодых боцменовских батраков, отделившихся на этот призыв, попадают на Болотинский рудник.

Молодежная бригада, во главе с руководителем бригады Юрко, возглавляет борьбу против оппортунизма, за механизацию шахт. Молодежь всколыхнула старых бойцов угольного фронта — лучшие кадровые рабочие вместе с молодежью идут в атаку на оппортунистов вроде Стелькина и Охмонкина. В жестокой борьбе против оппортунистов, лодырей, рвачей, прогульщиков побеждает новое — механизация, ударничество, социеронопанис.

Обо всем этом очень живо, убедительно рассказано в повести «Без лямки». Достоинство повести в отсутствии штампа, схематизма. В. Хмара показывает своих героев в развитии, в движении. Его герои растут, формируются в ходе самой борьбы, в процессе борьбы за примфинплан, борьбы с оппортунизмом — переделывая человеческий материал, как побеждает пролетарское мировоззрение. Вышедший батрак становится передовым пролетарием-ударником. Мы видим в повести В. Хмара, как труд становится делом чести, делом славы, делом доблести и героизма³ (И. Сталин).

В. Хмара верно и остро вскрывает классовую сущность оппортунистов — директора Стелькина и предшатоку Охмонкина. В повести не только разоблачены конкретные виновники развала производства, но и вскрыта классовая сущность оппортунизма.

Художественно, ярко и остро запечатлена в этой повести борьба передовой донбасской молодежи и за новый, механизированный, ударный Донбасс. В этом значении «Без лямки».

Повесть не лишена и ряда недостатков. Материал книги следовало бы развернуть гораздо шире, полнее. Многие в книге лишены ското намека, а не показано. Очень интересен тип инженер Искрова — близкого друга шахтинцев, подкаланиа. Однако, автор все-таки не показывает до конца, кто же такой Искров — вредитель или инертный чиновник. Ответа на этот вопрос не получаем. Неясен и образ Говоруна, появляющегося в начале повести.

Есть и ряд других недостатков: очень слабо показана партийная организация рудника в целом (дан хорошо лишь секретарь). Излишен натурализм языка. Но все это не мешает оценить «Без лямки» как в общем удачное и очень нужное произведение.

А. БРИХИН

¹ Неведля Хмара — «Без лямки», изд. М. Г. 1961 г., цена 65 коп.

шахты без всякого участия за лямку, тирю, в который спряган хуторок — пелюха выдумка барона, стоящая ему немало денег. На территории Хуторка разлит стенья зеркала деревьев. Из железной дороги до реки Кубань тянется лес-парк. Прекрасная защита от северо-восточного ветра для огородов.

Над Хуторком высятся две фабричные трубы. Агро-индустриальный совхоз «Агро» — это возделанная степь, индустриальный — галетная фабрика, винозавод, электростанция, мельница, кирпичный завод, маслозавод, хлебозавод. От станции Новокубанская, от центральной магистрали Сев.-Кав. ж. д., незаметно увидишь и совхозу пара рельсов, всебегущая на фабричный двор. Товарные вагоны, истерны, пахнувшие Баку, платформы с лесоматериалом вкатываются в ворота.

По шоссе центральной бзы мчатся грузовики, легковые машины, поводы. Движение не прекращается.

Уверенно пролетают велосипедисты. В парке огорожен летний сад, там вечером, с наступлением темноты, каждый день мерцает новый фильм на довольно-таки равном полотно.

На центральном участке расположен совхоз (в барискоза доме), вечерний раб-

по подготовке в техникум.

Не ищите здесь деревню. Не ищите здесь чего-нибудь такого, что бы было в сердце поэта Орешкина. Здесь даже пустырь за галетной фабрикой превращен в прекрасный обширный стадион. Здесь исчезает граница между городом и деревней.

Организация труда здесь перенесена с промышленных предприятий. Здесь участки разговаривают с центральной базой по телефону, дружелюбно переругиваясь со станцией. Здесь царит лив, вогнан в рамки труда, здесь организация встречи урожая, объявленная комсомольская охрана его, самооборона.

Здесь машины диктуют темпы. Набрасывая первый чертёж охраны урожая, комсомольцы и все ответственные за зерновой город, смотрели в сторону сельхозмастерских.

На громадном дворе мастеровских небывалое оживление. Сотни спорозаводов, ярко окрашенные, как сарафан украинки, вымхнули сотнями крыльев. Утрабовавшие (до осени) плуги, вздернули джечи от земли, стоят металлической цепью. Локомотивы спятсласы от дождей под навес. Они безработны. У многих испорты животные и видны пушины

молодняки будут вращаться более подвижными тракторами.

Нельзя под нами серые громады стенья комбайнов. Их косы покоятся на тракторных тележках еще не отточеные. Зубья кос закусил прошлогодною солому. Солому выбросит, косы наточат. Комбайны поливуть пшеничным полем, и штурвалный на капитанском мостике будет следить за обмолотом и сигнализировать грузовикам, когда повороты тоны зерна наберется в зернохранилище.

У мастеровской стенья несколько тракторов, изуродованных руками вредителей Хебленцевич. Они с трупом почердеи входят в мастерскую, следы шпонов остаются на деревьях поля. Здесь, значит, веляют, провяряют, собирают. Урожай лизок.

Машин должны быть голыи в отрок. Комсомольское собрание, заседающее возле мастеровских, под акациями, на траве, постоянно выставляет дозорные посты на мастеровки. Охрана — так охрана! Ударные комсомольские бригады сокращают сроки ремонта на пять дней встречным планом ударных темпов.

Урожай лизок.
Будет жито, будет качество.

Наш митинг—об участии шахматистов в советской строительстве, в борьбе за пятилетку—растет. Он уже выходит за пределы простого обсуждения письма Рабиновича («Смена», № 10), сомневающегося в том, могут ли шахматы дать что-либо нашей пятилетке. В «Смене» № 18 тов. Подлк на опыте завода «Красный Путиловец» доказал, что шахматисты не стоят в стороне от жизни, производственной не отторгаются от борьбы за промфинплан. Он же сказал и о значении шахмат, как таковых, для нас. С ним вполне согласны все читатели. Вот, например, что пишет Ю. Корш (с. Богословка, ЦЧО):

«Наша пятилетка—это не только строительство заводов индустрии, коллективизация и механизация деревни, но и воспитание качества нового человека. Шахматы, воспитывающие в нас умение бороться, развивающие стратегические наклонности и т. п., как раз и способствуют воспитанию этих качеств. Уже одно это дает им право на дальнейшее развитие и внедрение в трудящиеся массы».

Вполне согласен с ним и казанец Вас. Петров:

«У нас, в стране Советов, шахматы являются не самоцелью, как за границей, где они превращены в азартную денежную игру (я говорю о буржуазном шахматном движении), а средством для более быстрого форсированного ускоренного развития человека. Для нас шахматы—мощное орудие борьбы с безкультурьем».

Итак, вопрос об «ордере на жизнь» шахмат ясен. А поэтому вполне правильно поступают участники митинга, затрагивая эти отдельные участки работы. В большинстве писем вполне справедливо указывается, что в шахматной работе нет несовершенства и устаревания. Уже упоминавшийся Корш указывает, что:

«...маловика и изображения шахматных фигур совершенно чужды нашей идеологии. До сих пор еще мы на диаграммах изображаем короля и ферзя в виде корон, слон—какая-то церковная шапка с крестом».

Тов. Корш предлагает подумать над изменением этих названий и изображений. «Смена» охотно принимает это предложение и объявляет конкурс на изменение названий «короля» и изображения фигур (на диаграммах).

Лучшие предложения будут премированы.

Второй конкурс решений

Этими диаграммами начинается второй конкурс решений «Смены». В него входят задачи и этюды, которые будут напечатаны в шахматном отделе в течение июля, августа и сентября месяцев. За правильное решение двухходовки будет засчитываться два очка, трехходовки или этюда—три, четырехходовки—четыре и т. д. Срок присылки решений—один месяц со дня напечатания задачи или

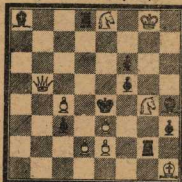
этюда. Автор задач или этюдов получает то же количество очков, что и решатель.

Десять читателей, набравших наибольшее количество очков, получат специальные, художественно исполненные грамоты и будут зачислены в команду решателей «Смены» для матчей с другими командами.

Кроме этих отличий, устанавливаются два специальных: для девушек-шахматистов.

Задача № 15

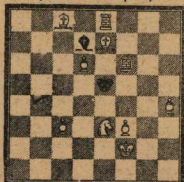
Л. Гончаров (ст. Никольское, М. Н. ж. д.)
(Печатается впервые)

Мат в 2 хода $9+9=18$

Задача № 17

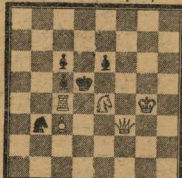
П. Фаерман (Запорожье—Казанское)
(Печатается впервые)

Мат в 2 хода $10+2=12$

Задача № 16

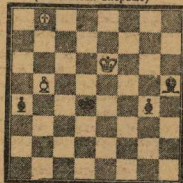
А. Кузнецов (ст. Пролетарская, С.-К. край)
(Печатается впервые)

Мат в два хода $5+5=10$

Этюд № 3

А. Кузнецов (Москва)
(Печатается впервые)

Белые, начиная, выигрывают. $3+4=7$

БЛИЖАЙШИЙ ВЫПУСК СОЮЗКИНО

Объявляем войну

МОНТАЖНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РАБОТА
ГУСЕВА и МАРТЫНОВА
РАБОТА ударной группы.

Производство ВОСТОККИНО.
Объединение СОЮЗКИНО.

НЕВЕРОЯТНО, НО ФАКТ

Режиссер—Г. ВАСИЛЬЕВ
Оператор—Л. ПАТЛИС

Научная консультация Ленинградской Ест. Научн. Подстанции

Производство Ленинградской ф-ки
СОЮЗКИНО

ОВЫЙ ПАРОХОД

Корабли подходят и молу
взывают валы...
включает ключ, то скрипнет
молот,
схнут грузные стволы.

Скорону до света—рано,
вильс одна—не опоздать!
граиается у ирана
на последняя звезда.

зучился у прибор
анде боевой: вперед!
знамя, небо огневое
ощется над синью вод.

е минутную отвагу
тали руни и глаза:
ред, товарищи, ни шагу
тройденных дорог назад!

ред, распиленные ели,
ы, смолистая сосна!
ред, наверх! На зыбний элинг,
мачт и леса—вышина!

ет на штурм бригада—остов.
знаем—труд упорен наш:
крепним сироем, для норд-
десять баллов—такелант!

белых досок и железа
воле нашего труда,—
нужны нам дозареза—
тьше стройные суда!

гайки и гвоздя—до блона,
т бугшприта—до нормы
юнчим мы его до срона,
слову, что давали мы!

я лучших лучшая награда—
троенные норабли.
ред, ударная бригада—
нам валяться на мели!

сна и доске, за клепкой клепна,
лезный лист—плотней к листу,
об ни на шаг литая топна
отступала на посту!

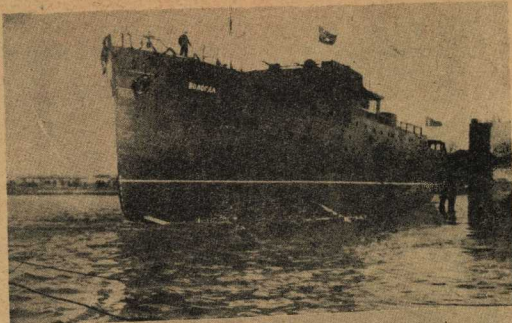
ю в измазанной матросие—
охой погоды нет для нас:
взальный шивал слетит на доски,
ребра обшивает наст!

д знаем, под случайным
градом—
машинное идем на штурм,—
чтоб остановить бригаду,
них не выдуманно бурь!

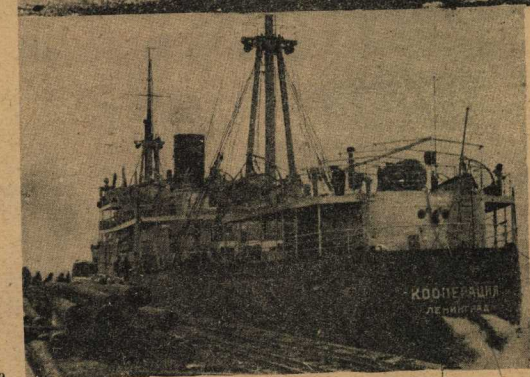
зрик—и тот, от ревматизма
яхтя уме не первый год,
рубну ли, сбегает вниз ли—
тот от нас не отстает!

вот неделя за неделей,
д шопот изумленных вод,
ке он весь! Уме он в теле—
сокий, ладный пароход!

це нажим! Еще немного,
в первый раз винтом пыля,
слущен в первую дорогу,
понидает стапель!

В Дании в тер-
ственной обстанов-
состоялся спускто-
гового судна „Ви-
логда“, построенного
верфью Клавитер для
СССР.

Северная судостро-
ительная верфь в Ли-
нинграде заочиче
постройкой новы
мощный рефрижер-
тор „Кооперация“
для перевозки ско-
портующихся грузы
пассажиоров на лине
Ленинград—Запа-
ная Европа

Евг. Павличенко